

Черткова О. М.

МЕТАФОРА И СИМВОЛ КАК ФЕНОМЕН АССИМЕТРИИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

*Белорусский государственный медицинский университет
г. Минск, Республика Беларусь*

Аннотация. В статье рассмотрены особенности символа, отличающие его от метафоры. При наличии сущностного противопоставления символа метафоре как знака тропу, в результате использования эти явления приводят к расширению взгляда на природу вещей. Однако это расширение носит различный характер, что противопоставляет символ метафоре по ряду функциональных параметров, а оперирование метафорой и символом предполагает различные мыслительные процедуры в рамках речевой (метафора), культурной и языковой (символ) компетенций.

Ключевые слова: символ, метафора, компетенция, концепт, семантика, интерпретация.

Chertkova O. M.

METAPHOR AND SYMBOL AS A PHENOMENON OF ASYMMETRY OF LANGUAGE SIGN

*Belarusian State Medical University
Minsk, Republic of Belarus*

Abstract. The article examines the features of a symbol that distinguish it from a metaphor. Given the essential opposition of a symbol to a metaphor as a sign of a trope, as a result of their use, these phenomena lead to an expansion of the view on the nature of things. However, this expansion is of a different nature, which contrasts a symbol to a metaphor according to a number of functional parameters, and operating a metaphor and a symbol presupposes different thought processes within the framework of speech (metaphor), cultural and linguistic (symbol) competencies.

Keywords: symbol, metaphor, competence, concept, semantics, interpretation.

Идея о том, что символ принципиально метафоричен, является общим местом теорий символа [9]. В основе сходства метафоры и символа исследователи видят образность, иносказательность, интерпретационный характер, перенос значения [6], искусственное приведение к родству разнородных сущностей [4], несформированность значения, отсутствие иллокутивной силы [2]. Этот ряд можно продолжить: метафора и символ, будучи основаны на феномене асимметрии языкового знака, компрессируют форму выражения информации, и эта компрессия позволяет видеть нечто новое, порождает новые смыслы. Действительно, если рассматривать метафору с субституциональных позиций [3], и метафора, и символ позволяют назвать, одним словом, то, что невозможно сказать множеством слов. Если рассматривать метафору с интеракционистских позиций [Там же], и метафора, и символ приводят к приращению смысла. Но есть и принципиальные отличия, не

связанные с историческими и родовидовыми отношениями. Часть этих отличий отмечена Н. Д. Арутюновой [2], А. Ф. Лосевым [5, с. 126-127], Е. В. Шелестюк [10]. Основное отличие, определяющее все частные, состоит в различии сущности этих явлений: 1) метафора – это троп, фигура речи; 2) символ – это языковой знак. Анализ специфики функционирования метафоры и символа, как знака особого рода, обозначающего концепт в культурологическом смысле этого слова [1], позволяет отметить следующие отличия функционального плана. Метафора в логическом отношении всегда ложна (построена по принципу фиктивности) [8], символ ложным быть не может. Имея дело с метафорой, мы понимаем, что это иносказание именно потому, что сталкиваемся с логически, понятийно невозможным. Имея дело с символом, мы понимаем его смысл как реальность, пусть даже иную, по сравнению с «логически» организованной окружающей действительностью. Эффект метафоры вырастает из попытки её верифицировать. Эффект символа состоит в изначально заданной реальности его означаемого в конкретном и абстрактном планах, а также в не требующей верификации, само собой разумеющейся связи конкретного и абстрактного, то есть понятийного и символического. Достоверность непосредственного обозначения (конвенционального знака) обеспечивает и достоверность абстракции, выраженной символом, а структура понятия в целом отождествляется со структурой, обозначаемой символом абстракции. Метафора релятивна в планах выражения и содержания, а символ – только в плане содержания. Чтобы существовала метафора, необходимо столкновение двух знаков (рамка и фокус, субъект и объект). Символ не требует особого контекста, рамки, он самодостаточен. В то же время, сталкиваясь с символом, мы попадаем в бесконечную область смысловых отношений, которые уже выражаются в контексте. Иначе говоря, контекст создает метафору, а символ сам создает контекст. Причем замена рамки метафоры приводит к другому взгляду на то, что в её фокусе. Замена слов в контексте упоминания символа ничего не меняет, если, конечно, она не является указателем на понятийный характер означаемого. Так, для обозначения различных свойств характера принципиально важно, «железный» он или «золотой». Для обозначения семантического комплекса, связанного с ролью Христа в жизни человека, всё равно, висит ли крест на серебряной цепочке или на бечевке, сделан он из олова или золота. Метафора бинарна: она устанавливает единственную, прямую, не опосредованную ничем более связь между объектом и «призмой», сквозь которую мы на этот объект смотрим. Символ в этом плане панрелятивен – он выражает потенциально все связи всех представлений, причем эти связи могут носить характер и непосредственный, и опосредованный другими символами. Метафора создает вспышку осмысления сути объекта, а символ – обуславливает постоянный свет осмысленности мира. Метафора в своей основе синтагматична. Именно нестандартность последовательности знаков выводит их семантику за пределы языковых значений. Символ же в своей основе парадигматичен. Выбор символа из набора символических знаковых единиц определяет точку входа в символическую систему. Эта точка может находиться ближе или дальше от тех

смыслов, которые актуальны для человека, но так или и на любой символ позволяет войти в сферу ассоциативных связей и прийти к актуальным смыслам.

Метафоры могут образовывать систему, символы существуют изначально в символических системах. Причем образование системы метафор лежит в плоскости более или менее осознанного индивидуального или коллективного речетворчества (текстопродуцирования), а воспроизведение символов или осмысление символичности знака – в плоскости диктата культуры, что не исключает построения авторских символических систем в рамках текста или совокупности текстов в качестве моделирования части культурного символического пространства. Так, метафоры социалистической идеологии образовали продуктивно развивающуюся систему [7]. С другой стороны, поэтика символизма как эстетической системы опирается на выявление структуры существующей символической системы (по необходимости, умножающей смыслы), а не на преумножение символов. Метафоры рано или поздно стираются, тускнеют, утрачивают оригинальность. Каждая последующая индивидуальная или социальная попытка осмыслить метафору исчерпывает её. Символ в этом отношении неисчерпаем. Более того, чем больше попыток осмыслить символ прилагает человек, тем большие глубины смысла ему открываются. Даже культурные революции не могут обесмыслить символ. Старые ассоциации лишь накладываются на новые, продолжая ряд умножения пониманий. Единственная возможность погасить сияние символа – забыть о нем. Но и это практически невозможно, так как символ сам является ассоциацией других символов, и в этом отношении его статус заранее обеспечен символической системностью. Метафора как осознанное речевое действие связано с феноменом языковой личности, манипуляция символами определяется включенностью личности в культуру. Соответственно, метафора лежит в сфере речевой компетенции, символ – языковой и культурной компетенций. Хотя использование и метафоры, и символа приводит к актуализации, блокирует автоматизм восприятия речи, направление актуализации различно: в случае с метафорой актуализация направлена на речевое выражение, потенциальные возможности языка, в случае с символом – на языковое выражение культурных концептов, сгустков смысла. Метафора может лежать в основе образования фразеологизмов. В случае с фразеологическими сращениями метафорическая связь по тем или иным причинам утрачивается, однако, так или иначе, значение фразеологизма, основанного на метафоре, не выводится из значения его компонентов. Если же в составе фразеологизма оказывается символ, его значение не только сохраняется, но и фрагментируется: фразеологизм фиксирует частную связь концепта. Например, «быть на седьмом небе» можно лишь условно интерпретировать как состояние, сходное по уровню чувства с высотой, воспринимаемой гиперболизированно. В то же время символические смыслы слов «небо» и «седьмой» (производное от «семь») выводимы из значения этого фразеологизма и составляют его семантику: «семь» – ‘счастливое число’, «небо» – ‘противоположность земле, высота, духовность, божественность, покой, мир’. Метафорические контексты могут быть тождественны контекстам употребления символов, однако различия метафоры и символа задают в контекстах двоякие

интерпретации, противопоставленные как субъективные и объективные, ситуативные и внеситуативные, зависящие от речевой квалификации интерпретатора и обусловленные системой культуры. Например, бунинская «слеза звезды» из рассказа «Смарагд». В случае с метафорической интерпретацией, прекрасно понимая, что звезды как небесные тела не плачут, мы приходим к мысли о страдании, связанном с высотой чувств. В случае с символической интерпретацией мы понимаем звезду как живую сущность, связывающую тот и этот миры, переживающую происходящее, а значит, изначально способную и плакать, и быть воплощением высоких страданий, и транслировать их на землю. Символическое понимание было дано изначально, оно лишь актуализировалось упоминанием символа в тексте И. Бунина. В символическом плане не имеет значения, что окружает символ в контексте: «слеза», «капля», «точка», «луч», «глаз» или «крест», так как смысл всех контекстов нам заранее известен. В метафорическом же аспекте это принципиально важно. Будучи основанными на феномене асимметричности языкового знака, метафора и символ реализуют потенциал асимметрии в разной степени. Если символы, базовой характеристикой которых является полисемия, могут вступать в отношения внутриязыковой и межъязыковой омонимии и синонимии, возможности метафоры ограничены полисемией. Разрыв метафорической связи может быть следствием образования омонимов, но этот разрыв указывает и на утрату метафоры. Синонимия метафор при поверхностно очевидной возможности противоречит самой природе метафоры, направленной на выделение объекта по уникальному признаку сходства. Устанавливая синонимическую (смысловую, а не природную) связь двух сущностей, метафора не может быть относительно тождественна другой метафоре. Сказанное имеет равное отношение и к языковым, и к авторским метафорам. Это связано с тем, что метафора, как речевой механизм, удерживается буквальными значениями компонентов, означаемое же символа формируется абстрактными связями. Таким образом, при наличии сходного функционального свойства – проявления глубинных смыслов и принципиальном отличии, состоящем в том, что символ является языковым конвенциональным знаком, а метафора – речевым приемом, символ и метафора имеют следующие специфические черты: 1) метафора фиктивна, её смысл проявляется в результате попытки её верифицировать, символ выражает смысловые связи, понимаемые как реальность; 2) метафора релятивна в планах выражения и содержания, символ – только в плане содержания, символическое значение не вытекает из контекста, а создает контекст; 3) метафора бинарна, символ панрелятивен; 4) метафора синтагматична, символ парадигматичен; 5) метафоры могут образовывать системы, символ становится таковым и существует только в системе; 6) смысл метафоры исчерпаем и стирается каждым последующим фактом воспроизведения, каждая актуализация символа увеличивает осмысленную часть его содержания; 7) метафора относится к сфере речевой компетенции, символ – к сфере языковой и культурной компетенций; 8) метафорические значения могут лежать в основе значений фразеологических, символические значения фиксируются фразеологическими и фрагментируют их семантику; 9)

интерпретация метафоры ситуативна и обусловлена речевой квалификацией интерпретатора, понимание символа обусловлено включенностью и символа, и интерпретатора в систему культуры; 10) символы могут вступать в отношения синонимии и омонимии, метафора исключительно полисемантическая.

Литература

1. Авдеенко И. А. Концепт, символ, текст: пространство эксперимента // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. 2010. № 1-2 (1). С. 45-48.
2. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: сб. статей / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
3. Блэк М. Метафора // Теория метафоры: сб. статей / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
4. Иванов Н. В. Об одном способе анализа символической структуры метафоры средствами логики // Пространства и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст: материалы III межвузовской научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации. Военный университет, 26 июня 2009 г. С. 10-22.
5. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Изд-е 2-е, испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.
6. Нурдаулетова Б. И. Метафоры в когнитивном аспекте // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4.1 (4). С. 617-623.
7. Разинкина Н. С. Концептуальная метафора в русском языке советского периода (1917-1956 гг.) // Вестник Томского государственного университета 2011. № 344. С. 26-29.
8. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-203.
9. Шелестюк Е. В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125-143.
10. Шелестюк Е. В. Символ versus троп: сравнительный анализ семантики // Филологические науки. 2001. № 6. С. 50-58.